

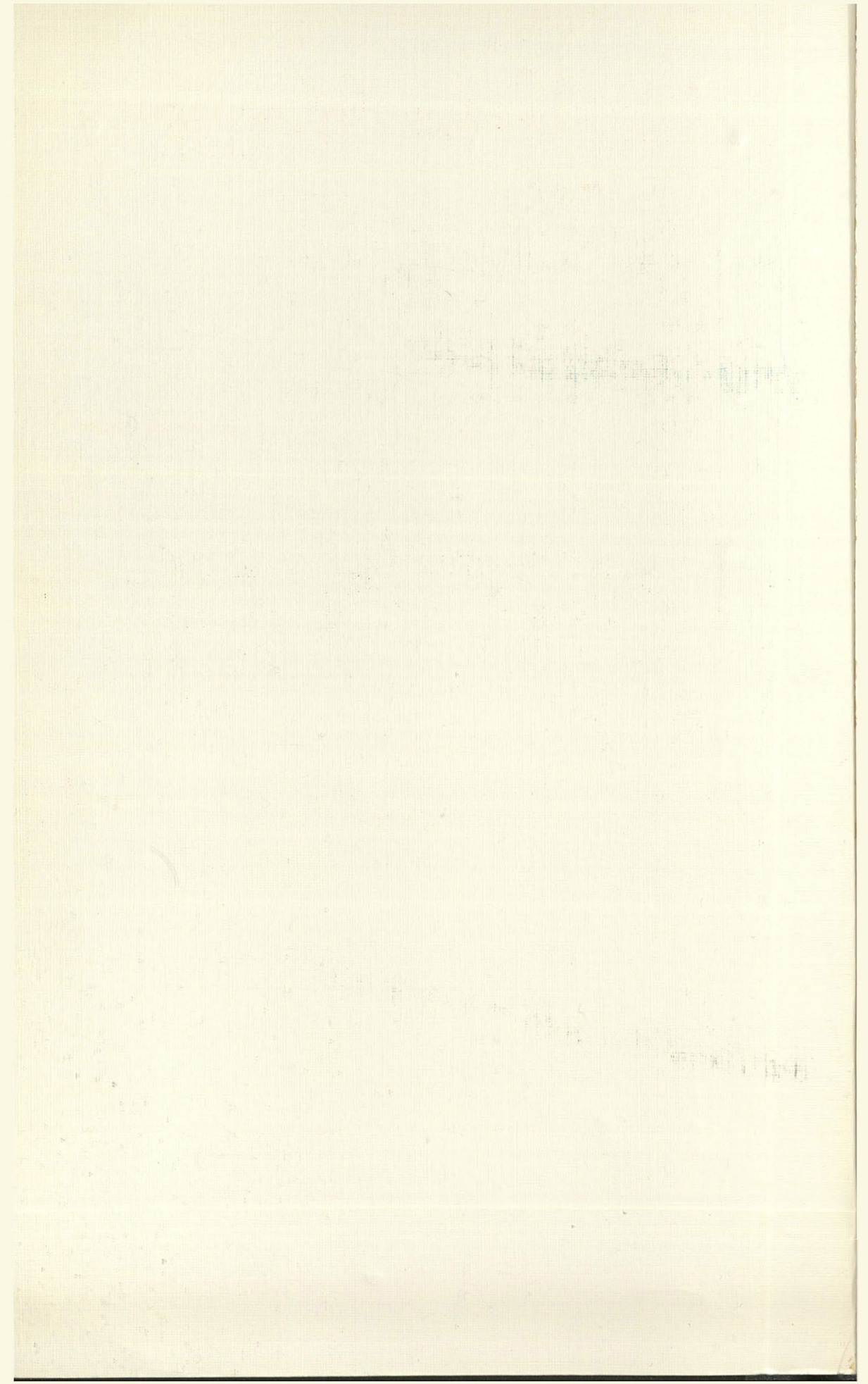
Памятники Отечества

*Альманах
Всероссийского общества
охраны памятников
истории
и культуры*

2 | 1985

(12)

*Альманах
Всероссийского общества
охраны памятников
истории и культуры*

зывает мне насчет крестьянского житья-бытья, его «примитивного» искусства, — я укажу ему на самое массовое искусство из всех искусств — кино. Что же оно так быстро выродилось-то? Что же оно занимается самопожиранием, агонизируя на наших глазах в грязи, пошлости, разврате, и зачем же, зачем же вы, презирающие мужицкий быт, его «наземный дух», примитивное искусство, быт и нравы, зачем же шаритесь вы, веселые и беззаботные горожане, в покинутых избах ваших дедов и ташите в городские квартиры скалки, лапти, прялки, божьи лики, изображенные на толстых досках, самовары-самотопы, подсвечники, братины? В модернизированных квартирах забиваете пластиковые стены нестругаными досками, прете в кухни деревянные скамьи?..

Зачем? Почему? Неужто лишь забавы ради? Ах, если б это было так, то и говорить бы не о чем было. Но, может, память болит? Может, из этой самой «свободной» жизни тянет в ту крестьянскую жизнь подсознательно, не умом, а душой — самым чутким инструментом, название которому — сердце? Может, сердцем-то наше там и осталось и оттого мы так бессердечны, так равнодушны ко всем и ко всему в этом чужом нам городе, в чужих холодных стенах, может, нам становится дороже та наша сельская «несвобода», то наше трудовое и вечное житье?

Недавно в одной полуразвалившейся вологодской деревушке последний здесь мужик, умеющий сделать топориче, наточить ножи и инструменты, подковать лошадей, застеклить окна, сметать стог, загородить городьбу, забить скотину, управлять конной сенокосилкой и с самими лошадьми управляться, принять роды у коровы, сбить печь, срубить баню, продолжить прорубь, выкопать колодец, «заговорить зубы» и остановить кровь, предсказать погоду, обмануть колхозное начальство и, если потребуются, то и районное, — мужик этот, прошедший войну и все «преобразования», показывая на одичавшие поля, лес и опустевшие деревни, убежденно и горестно сказал:

— Еще придут. Целину поднимать сюда придут. Жрать-то че-то надо будет. И снова станут героически преодолевать трудности, жить в палатках, рубить бараки и временяки, корчевать кустарники на заросших пашнях, вырубать леса, осушать болота... При-и-ду-ут, никуда не денутся...

* * *

Со скрипом, с муками и потерями выпрастывалась наша литература из пут так называемой «лакировки действительности».

Из края в край лежала наднаженная войной страна, молчала обездоленная деревня, в которой жило ни мало ни много, а более ста миллионов человек. Но ее словно и не замечали, не снисходили до нее, от нее отмахнулись, как от чего-то малоприятного...

Вот и обескровела она, вот и погасила ее, хотя и тускло, но тысячи лет светившиеся окна, и вместо этой усталой, замолкшей деревни, где не стало мужиков, где по десять-пятнадцать лет не слышалось детских голосов и смеха, где все еще ходили и вымирали полуголодные, полураздетые, оглушенные войной и тяжелой работой, раньше срока состарившиеся женщины, угодливые дельцы снимали на киноленты такие деревни, где счастье бьет че-

рез край, и даже такой талантливый человек, как режиссер Барнет, снимает фильм о деревенском рае, в котором секретарю райкома ничего другого не остается, как выкатить роля в поле и заиграть на нем «бравом», чтобы дело спорилось, и запеть песню на слова «певца России» Виктора Бокова: «Гляжу в поля просторные на нивы золотистые, а вижу брови черные, глаза твои лучистые...» А ему вторил другой, не менее угодливый «певец»: «Посмотри, милый друг, на полях золотые разливы — это наша любовь расцветает вокруг, как же не быть мне счастливой»...

А в это время мужик без руки и ноги, потерянных на войне, Петр Степанович Латышев, бригадир из колхоза «Красный пахарь» Чусовского района Пермской области, подрезав шинель, чтоб ходить по грязи удобно, дышал в деревушке Махнутино на каждый росточек и колосочек, выводил какие-то сорта овощей, хлебушек сея, выполняя непосильные поставки, собирая надсадные налоги, агитируя баб на добровольные займы, да ломал голову над тем, как бы все же баб-то сохранить, чтоб не перемерли последние, чтоб не убегли в близкий город, и сам не спал сутками. Случалось, завяжет с деревяшкой в грязи и вытащиться не может, баб кликнуть стесняется, — так чтоб не застревать в грязи, ляжет на бок и перекатится через ложок. Бабы с вопросом: «Где валялся?» И человек непьющий, да и не на что было пить, клепал на себя: «Да напился, как свинья»...

Кто-то должен был взять на себя отвагу, проявить мужество и рассказать об этих вот Латышевых, о миллионах русских баб, о страданиях и подвиге народном. И раз выпало на долю родной литературы стать духовной опорой народа, она должна была и возвыситься до этой своей святой миссии.

И она поднялась! Хватило, снова — в который раз! — хватило сил, таланта, неугасимой энергии выплатить «неустойку» нашему народу, подавить силой своего великого духа прекраснодушие и возвыситься до правды, горькой, не очень удобной, порой жестокой, но единственно возможной в жизни большого и трудового народа.

Быть пророком и даже проповедником всегда было трудно, однако без попыток и потуг на это литературе существовать невозможно. Переваривая ту информацию, что обрушивается со всех сторон на нас, приходишь к невеселому выводу, что человечество, преуспев в одном, то есть в индустриальном развитии, отступило назад в своем духовном развитии, оно попросту начало дичать.

И многие современные люди, не видавшие в глаза не только тайги, а даже обыкновенного леса, ведут себя среди людей, на городских площадях и улицах, как в тайге, шествуя по жизни без каких-либо указателей, как уличных, так и нравственных, и вид у них, и мораль дикаря-таежника, иным ультрасовременным жителям уже и до обезьяны недалеко. Знаменитую английскую манекенщицу Пегги спросили, знает ли она что-нибудь о Шекспире? «А, это тот парень, что написал чего-то о черномазом парне, который задушил белую женщину...» Она слышет интеллектуальной манекенщицей. Можно за примерами и не плавать за море, можно их и дома сколько угодно найти. Не приходится уже говорить о чести, благородстве, нежности — эти качества не только утрачиваются, но и становятся обременительными,

лишними, как бляхи, шаркунцы и прочие украшения на сбруе лошадей.

Недаром же так захлебиво воспевается благородство, если его удается встретить журналистам, недаром же столь настойчив призыв (и кабы у нас только!) искать «положительного героя», показывать «положительный пример!». Ведь есть и такие писатели, и ученые, и деятели культуры, кому уже удается забывать не только близких и дорогих людей, но даже историю родную, либо делать вид, что удастся, а то еще проще — подкрасить ее, как пасхальное яйцо. Вот только что на ладони было продолговатое яйцо, не очень чистое от старого гнезда, порой в насохшем курином помете и даже мазках сукровицы, а бросили его в чашку с голубой краской, повертели, высушили — и никаких пятен на яйце, небесно-голубое оно. Во Франции вон, говорят, даже куриц приучили голубые яйца нести, а в Израиле будто бы до того дошли, что куры несут яйца с одним желтком...

Ах, как хотелось бы некоторым удобно живущим деятелям думать, что и в прошлом у нас все было красно и ладно, и мы получали только голубое яйцо со сплошным желтком! И вот ведь оказия: мне тоже хотелось бы, да... «где топор, что память враз отрубит...», да и «не те годочки», как тяжело вздохнул перед смертью Твардовский, к тому же и страшновато забываться. «Кто прячет прошлое ревниво, тот и с грядущим не в ладу!» — опять же мудрый Твардовский. И еще: «Народ можно обмануть — историю не обманешь» — это уже Карамзин, всегда для России современный историк потому, что он не просто историк, но и настоящий патриот своего отечества.

* * *

Но жизнь, как ни разводи руками, движется, многим из тех, с кем я начинал, перевалило за шестьдесят. Большинство из них работают достойно своего таланта, а есть и те, что замельтешили, засуетились или погрязли в сплетнях, спорах и уединились в гордом одиночестве. Многие, увы, многие не выдержали, по остро-временному определению Юрия Бондарева, «испытания вещами», проще говоря, избарахлились. Есть и такие, которых утомили собственные успехи и достижения, и они изменили самим себе, начали ударяться в моду, но, самое главное и отрадное: появились в России новые таланты, которыми можно и нужно гордиться, поддерживать их: Валентин Распутин, Василий Белов, Вячеслав Шугаев, Геннадий Машкин, Дмитрий Балашов, Юрий Черныченко, Владимир Личутин, Николай Никонов, Анатолий Соболев, Петр Краснов, Ольга Фокина, Юрий Кузнецов, Василий Казанцев, Юрий Белаш, Николай Фотьев, Михаил Голубков, Анатолий Васильевский, Василий Юровских, Николай Волокитин, Валентина Ермолова. По-новому, свежо засияли таланты Юрия Гончарова, Анатолия Калинина, Гавриила Тропопольского, Сергея Залыгина, Николая Шундика, Михаила Алексеева, Ивана Акулова, Николая Жернакова, Леонида Решетникова, Анатолия Жигулина, Михаила Воронцового. Я пишу только о тех, кто жил в ту пору или живет «во глубине России». Увы, и горькие страницы пролистнула наша литература. Не взойдя еще в зенит, угасли яркие звезды Василия Шукшина, Сергея Никитина,

Алексея Фатьянова, Николая Рубцова, Виктора Курочкина, Алексея Прасолова, Александра Вампилова, ранняя смерть унесла талантливых писателей и граждан-бойцов — Федора Абрамова, Владимира Тендрякова, Сергея Крутилина, и самая большая потеря постигла Россию — не стало ее талантливейшего художника и сына — Михаила Александровича Шолохова. Но, как говорится, они-то умерли, а дело их живет. Однако утешения от этого мало, больше горечи и недоумения — отчего, почему в России так повелось, что большие ее таланты часто покидают сей мир в расцвете сил, протрсающие часто, а то и до оного расцвета...

Большое, скорее даже обширное хозяйство в литературе нынешней России. Нельзя сказать, чтобы его не замечали и не отмечали, но все то как-то кампаниями, мимоходом, чисто парадно и вскользь, а литература эта давно уже нуждается во взгляде и осмыслении пристальном и глубоком, в определении сути ее не сиюминутном, а с проглядом вдаль, и не только сути существования, но и дальнейшего развития — куда она идет? Как идет? И почему? Каковы ее недуги и где ее стержень, которого надлежит держаться? В одиночку, сам по себе каждый периферийный писатель гребется к этому стержню, иногда достигает его и отдается на волю течению, либо, преодолевая его, выдыхается, но чаще возвращается к берегу, в заводь, и бутылкается там в тихой, парной водице, себе в удовольствие и людям не в беспокойствие, но таланту своему и общему делу во вред.

Нуждаемся мы, очень нуждаемся в рачительном, спокойном и заботливом хозяине, который бы растолковал нам, да и читателям тоже, что тут к чему. В нынешней же литературе, откровенно говоря, я не вижу человека, которого такая работа была бы по плечу и по силам. Здесь мало одного таланта, нужно мужество, нужна самозабвенная любовь к той земле, которая родила всех нас, наградила силой воображения и жаждой творчества. Нужен истинный патриот своей Родины, который бы явился не просто работать или «отбывать срок», а «мыслить и страдать».

Течет речка, подмывая берега, спрямляет излучины, роняет кусты и деревья, опрыдывает и ворочает камни, падает с них, журчит и наговаривает в перекатах и шиверах. Как бы ее ни мучили, ни мутили, ни разбирали на поливку личных огородов и на обливание тел в знойные дни, сколько бы из нее ни пили, сколько бы ни вытанцовывали, она справляет свою работу и за ночь успеваеет растащить весь мусор, растереть грязь, унести муть, к утру высветляется до дна, течет и будет течь речка, пока живы родники, ее питающие, а они там где-то, в сумеречных оврагах, в распадках и рособах, недоступные пока, слава богу, праздно шатающимся, журущим и орущим существам. Они тихи, те родники, их голос слышен только привычному уху, но их освежающие струи пронзают темь и, сливаясь воедино, на свет вырываются живой, бурной, сияющей речкой.

Течет речка. Жизнь продолжается. Продолжаются мысль и добрые дела людей, творящих и творивших добро во имя этой самой жизни.

Памятники Отечества

Выходит два раза в год

Издается с 1980 года

№ 2 (12) 1985

СОДЕРЖАНИЕ

Связано с именем В. И. Ленина

Навстречу XXVII съезду КПСС

-2-

В. А. Осколков Гранит для мавзолея

-4-

А. С. Пушкин Ленинская тема в творчестве Н. К. Соломина

-9-

Боевая слава

Н. А. Бадеев Монументы Мурманска

-11-

Трудовая слава

С. Ф. Гаркуша Дворцы подземных магистралей
(К 50-летию московского метро)

-15-

800-летие «Слова о полку Игореве»

-23-

Экология культуры

Разговор за «круглым столом» М. А. Шпотов, Б. И. Тхор, И. В. Петрянов, В. Я. Либсон,
Г. П. Драгунов

-44-

Э. П. Саликова Пятьсот лет замечательному памятнику

-51-

А. Е. Курасов Тысячелетие Брянска

-63-

М. Б. Поспелов Валаам — реликвия Русского Севера

-78-

В. Н. Иванов Международная охрана памятников

-86-

М. Б. Иванов С Чайковского на Новинский и обратно

-91-

В. П. Енишерлов Свидетели времен минувших

-99-

Д. А. Жуков Они оба любили Кавказ

-110-

Отечественные некрополи

М. Т. Беляевский,
О. А. Омельченко Ушедшие в бессмертие

-119-

Среди коллекционеров

Н. А. Воробьев Поговорим о собирателях

-131-

И. А. Духин «И заливается задорно нижегородский бубенец»

-145-

Размышления писателя

В. П. Астафьев Несколько мыслей о прошлом и настоящем

-161-

Редакционный совет: И. В. Петрянов-Соколов (*председатель редакционного совета*)
Д. А. Жуков (*заместитель председателя редакционного совета*)
В. Н. Иванов (*заместитель председателя редакционного совета*)
Ю. Л. Прокушев (*заместитель председателя редакционного совета*)
М. Т. Белявский
И. С. Глазунов
Л. М. Леонов
Д. С. Лихачев
В. А. Петербуржцев
Н. А. Пластов
П. П. Ревякин
Б. А. Рыбаков
В. И. Севастьянов
А. И. Шкурко
В. Л. Янин

Редакция: Н. Н. Визжилин (*заведующий редакцией*)
Т. А. Князева (*старший редактор*)
В. Ф. Горелов (*художественный редактор*)
С. А. Бердиченкова (*младший редактор*)

В. Ф. Горелов (*художник*)

Р. Д. Рашковская (*технический редактор*)

В номере опубликованы фотографии: В. Титова, А. Д. Вятича-Бережных, В. Шумкова, А. Бомзы, И. Духина, И. Тункеля. Рисунок И. Уткиной. Ретушь Е. Маньшиной.

Адрес редакции:
103009, Москва,
Тверской б-р, 16.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Фотоматериалы не возвращаются.

Сдано в набор 22.07.85. Подп. в печ. 19.11.85. А12580.
Формат 70×108/16. Бумага гошаковская. Гарнитура обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,7. Усл. кр.-отт. 59,50. Уч.-изд. л. 20,90. Тираж 50 000 экз. Зак. № 1664. Цена 2 р.

П 0501000000—336
М-105(03)85 ииф.—85

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 103012, Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Суцевский вал, 49.

